

В тридцатых годах я впервые услышал от Евгения Петрова имя известного польского комедийного актера Адольфа Дымши. Мы беседовали в редакции «Литературной газеты».

Живой и общительный, стремившийся к общению с людьми, Евгений Петрович приходил в редакцию раньше всех и тотчас принимался за дела. Случайно мы заговорили о кинемедии.

— Почему вы не инсценировали для экрана «Двенадцать стульев»? — спросил я.

— Фильм сделали без нас — в Польше. Когда мы с Ильфом были в Варшаве, нам показали его. Единственное, что нам понравилось и запомнилось, — это Дымша. Он играл Остапа Бендера...

Петров охотно говорил о талантливом актере, создавшем образ «великого комбинатора».

— Дымша очень популярен у поляков. Они присвоили ему ласковую кличку — Додек.

ИЛЬФ, ПЕТРОВ И ДЫМША

...Прошли годы. Давно нет Польши Пилсудского, где провели несколько дней Ильф и Петров. Советские люди познакомились с искусством народной Польши, полюбили его лучших представителей, в том числе и Адольфа Дымшу. Фильмы с его участием идут на наших экранах. Зрители помнят «Антека-полицейского», «Мое сокровище», «Ирена, домой!», «Необыкновенную карьеру Никодима Дызмы» и «Дело, которое нужно уладить», — в этом фильме Дымша исполняет восемь ролей.

Недавно Адольф Дымша выступал в Москве. Он приехал сюда с варшавским театром «Сирена».

— Помните ли вы советских писателей Ильфа и Петрова? — спрашиваем Дымшу.

— Разве можно забыть таких замечательных людей! — отвечает Дымша, неплохо владеющий русским языком.

— Евгений Петров однажды сказал мне, что ваша трактовка Остапа Бендера понравилась ему и Ильфу...

— Они и мне говорили об этом. Но фильм получился много хуже романа. Впрочем, так почти всегда бывает с инсценировкой литературных произведений. Постановкой «Двенадцати стульев» занималось польское ателье «Фаланга» совместно с чешской кинофирмой. Ставил режиссер Михаил Вашингий. Съёмки морских пейзажей производились в Гдыне, но больше снимали в Варшаве и ее пригородах. Подбор актеров не радовал меня, исполнителя главной роли... Все же

фильм шел на экранах много лет, пользовался успехом. И вот недавно, спустя четверть века, его снова показывали у нас по телевидению. Но вернемся к Ильфу и Петрову. Приезд советских писателей, да еще таких популярных, в панскую Польшу явился событием. Каждый час их пребывания был расписан. Однако мне удалось завлечь их в театр миниатюр «Морское око» («Морской глаз»). Я выступал тогда в очень смешном скетче, по ходу действия исполнял куплеты, песенки, танцевал, острил. Ильфу и Петрову понравился мой «номер».

На другой вечер, выйдя на сцену, я увидел в переполненном зале стоявших у стены Ильфа и Петрова. В знак приветствия я повернулся к ним и тихонько свистнул. Петров ответил тем же.

Уловив неодобрение зрителей, я обратился к публике:

— Это я пересвистываюсь с нашими дорогими гостями, знаменитыми советскими писателями, авторами книги «Двенадцать стульев» Ильфом и Петровым.

Ну, и аплодировали же в тот вечер! Ведь их книгу издали в Польше. Ильф упирался, но пришлось все же ему с Петровым выйти на сцену.

— Как жаль, — говорит артист, — что теперь, когда я стал гостем москвичей, среди них нет Ильфа и Петрова. Они порадовались бы, что их старый знакомый Додек стал гражданином народной Польши.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

А. Дымша

Рисунок М. Бренайзена

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
1. МОСКВА

2
АВГ 1987